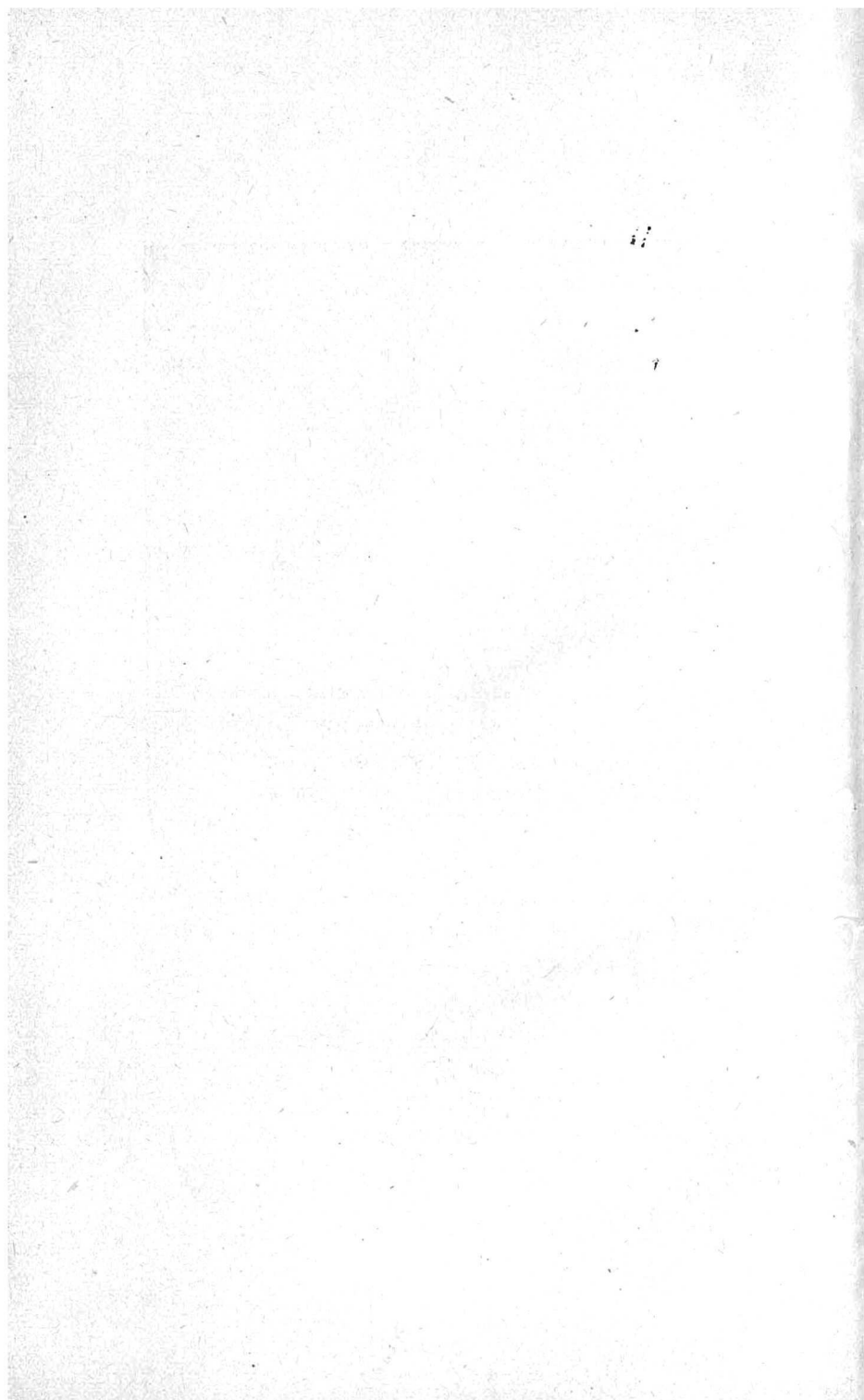

И. В. СТАЛИН и Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ, 1925 г.

(Фото)

И. Сталин

ДЗЕРЖИНСКИЙ

После Фрунзе — Дзержинский.

Старая ленинская гвардия потеряла ещё одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла ещё одну незаменимую потерю.

Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского — тюрьмы, казнь, торговлю, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: *горение*. *Горение* и героическая *отвага* в борьбе с трудностями.

Октябрьская революция поставила его на тяжёлый пост, — на пост руководителя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. Гроза буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский.

«Мирная эпоха» — Дзержинский горит, налаживая расстроенный транспорт, а затем в качестве председателя Высшего Совета Народного Хозяйства горит на работе строительства нашей промышленности.

Не зная отдыха, не чураясь никакой чёрной работы, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия, — он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата.

Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!

«Правда» № 166 от 22 июля 1926 г.

В. Молотов

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

«А вы знаете отлично, моя сила заключается в чём. Я не щажу себя... никогда... И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

(Из последней речи Ф. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК, 20 июля 1926 г.)

В этих словах Ф. Дзержинский сам, — и притом именно по-своему: просто, прямо, сильно, кровью страстного сердца, — дал себе замечательную и, действительно, правдивую характеристику. Больше того. Здесь сказано так же верно и о том, как партия относилась к этому замечательному партийцу, к этому славному представителю коммунизма.

Не только приведённый отрывок речи, — вся последняя речь Ф. Дзержинского, как это было у него обычно во всём, — один из лучших образчиков партийности, действительно коммунистического отношения к себе, к своим обязанностям, ко всей работе и борьбе за коммунизм. Нет нужды в данной связи останавливаться на отдельных моментах этой речи, на отдельных вопросах и личных характеристиках, — это заслуживает своего особого внимания. Сейчас мне хочется подчеркнуть лишь общий смысл и характер предсмертной речи Феликса Дзержинского. Это необходимо потому, что в ней так ярко и сильно отразились чувства и мысли одного из лучших наших партийцев, этого подлинного коммуниста, когда надо — революционера-разрушителя, а затем полного творческих замыслов коммунара-строителя.

В чём сущность последней речи, этого завещания Ф. Дзержинского?

Речь наполнена животрепещущими темами дня, из каждой мысли её вырывается огонь страстных призывов к борьбе с трудностями и недочётами, и, вместе с тем, она дышит заражающей уверенностью в победе пролетариата.

Ф. Дзержинский суров и беспощаден, когда говорит о недочётах нашей строительной работы. Ему хорошо известны болячки и язвы хозяйственной жизни. Он не может не нападать на недостатки торгового аппарата и кооперации, на их слабости в борьбе с частником, в борьбе за снижение розничных цен, за снижение накладных расходов при заготовках. Дзержинский прямо бичует недочёты и пороки системы управления, её бюрократизм и душащую дело волокиту. Практические нужды хозяйственной работы, необходимость дачи быстрых и ясных государственных директив по всей хозяйственной линии заставляли в последнее время особенно сосредоточивать его внимание именно на борьбе с недочётами системы управления.

Но Дзержинский с той же беспощадностью, смелостью и прямоотой говорит о недостатках непосредственно в своей работе. Он подчёркивает, решительнее даже, чем другие, ошибки, промахи и неудачи в той области, в строительстве промышленности, где он являлся руководителем. Он и здесь не ждёт напоминаний об ответственности перед партией и пролетарским государством за порученное ему дело и, в частности, за промахи и недостатки в нём. Он говорит об этом первый, он весь поглощён заботой об их преодолении, он горит в работе по их исправлению и, добившись успеха в одном месте, берёт на себя ещё более трудную и сложную задачу в другом.

Таков Ф. Дзержинский был в жизни, таков он и в своей последней речи.

Но всё это только одна половина или какая-то, хотя и важнейшая, часть его. «Весь» Дзержинский в том, что эту «бешеную», «сумасшедшую» страсть к борьбе с недочётами нашего строительства он соединял с исключительной партийностью во всей своей общественной работе. «Весь» Дзержинский сказывался тогда, когда его страстную ненависть пролетарского революционера, ненависть к остаткам прошлого, отягощающим недочёты, и слабостям нашего никогда ещё и нигде в мире не испытанного строительства кто-нибудь пытался использовать с «недоброкачественной» политической целью, с целью противопоставления линии Дзержинского политике партии. В таких случаях Дзержинский с той же исключительной страстностью, прямоотой и решительностью давал отпор «недоброкачественным» попыткам оппозиционной политики. Так, попытки на почве якобы «защиты интересов промышленности» сделать Дзержинского другом оппозиции, так называемых «сверхиндустриалистов» (а лучше сказать — горе-индустриалистов!), всегда плачевно кончались жалким крахом.

Как неутомимый и не умевший отдыхать работник, весь погружённый в практическое дело, но, вместе с тем, исключительно одарённый пониманием основного курса партии и чуткостью к настроениям рабочих масс, — Ф. Дзержинский как-то просто и естественно отбрасывал от себя подобные потуги оппозиции. И всегда это кончалось тем, что сам Дзержинский сокрушительно обрушивался на головы оппозиции против её попыток дезорганизовать деловую работу.

Его предсмертная речь была особенно ярким выражением этого настроения. В ней в полной мере сказывается, насколько чужд был Дзержинский всякому

хныканию, всякому «крикливому пессимизму», всякой панике перед трудностями. Напротив, он — как в этой речи, так и во всей повседневной работе — подлинный энтузиаст победы пролетарской революции и живое воплощение пафоса социалистического строительства.

И как настоящий коммунист, настоящий партиец, из факта многочисленных трудностей в объективной обстановке и недочётов самой нашей работы он приходит не к унылому, разлагающему мысль и волю, скептицизму, а к увеличению требований и запросов, прежде всего, к самому себе, к своей работе, ко всей работе государственных и других органов, под углом оценки её результатов с точки зрения поставленных партией задач. Дзержинский бичует слабости и промахи практической работы, он не щадит тут никого, и в том числе себя, но всё это не что иное, как страстный призыв к поднятию качества всей нашей работы, к усилению энергии и воли всего пролетариата в деле преодоления препятствий на пути развития пролетарской революции, к действительному повышению социалистического уровня практического строительства.

Предсмертная речь Ф. Дзержинского — один из таких пламенных призывов ещё больше объединить усилия партии в творческой работе развёртывающегося строительства социализма. Для всех коммунаров, как и для всех рабочих, эта речь — прекрасная частица того Ф. Дзержинского, которого они так горячо любили за его исключительную самоотверженность в революционной работе, за его героизм пролетарского борца, за его славную жизнь — пример одного из лучших партийцев-коммунаров.

Кавказ, 8 августа.

Ф. Э. Дзержинский, Три последние речи.
С предисловием В. М. Молотова, Госиздат, 1926.

ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ
И РЕЧИ

